

18+

Марта Савенко

Марта Савенко

Сюда

«Издательские решения»

Савенко М.

Сюда / М. Савенко — «Издательские решения»,

Люди теряют друг друга гораздо чаще, чем хотели бы. Восемь историй, рассказанных Мартой Савенко, — о близости. О той, что тает и исчезает — и о той, которая упрямо сопротивляется ссорам, расстояниям, времени. Иногда ей удаётся победить. P.S. Рассказ «...Что он протягивал мне», который входит в этот сборник, был опубликован отдельной книгой в 2025 году.

© Савенко М.

© Издательские решения

Содержание

Дом как парад	6
Цыся	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сюда

Марта Савенко

Иллюстрации Ashley Catworth

© Марта Савенко, 2026

ISBN 978-5-0071-2657-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Все истории в этой книге произошли на самом деле. Просто не обязательно в той реальности, в которой живёте вы, дорогой читатель. Но некоторые случились именно в ней.
Проверяйте.*

Дом как парад

«В доме тогда хорошо, когда им занимаешься», — рассуждала Гуля, вычищая очередную, третью за сегодня кастрюлю. «Тогда уют, и чистота, и светло. А если как эти...»

«Этими» были Арефьевы — Гулины соседи. Ленка Арефьева выскочила замуж в восемнадцать лет за Гулиного одноклассника Мишу Гадлова, да ещё заставила его сменить фамилию. А потом поселилась за Гулиной стеной и нахально заходила иногда — как она выражалась, «по-соседски». За солью, козье молоко предложить — родители возили ей из деревни — и просто так, потрепаться про бабью жизнь.

— Я по-соседски, — в очередной раз сказала она однажды утром четыре года назад. И тут же добавила:

— А у нас ребёнок будет.

Гуля тогда охнула — и выронила сковородку с горячими оладушками, которые так и посыпались ей на голые ноги. Ленка подскочила их собирать, собирала в голубой мятый передник и приговаривала:

— Гулюшка... как же ты так... Гулюшка...

Волосы у неё на макушке светились — наверное, от радости. Ещё бы: ребёнок будет! Гуле уже тогда было двадцать шесть, и не было у неё ребенка — а как хотелось! Станный народ эти мужчины: вот квартира, вот уют, никогда ни один пирожок не пригорел, ни одно яблочко не завяло... Казалось бы, заходи, живи и радуйся. Ан нет, разошлись женихи по другим улицам, один Миша-сосед остался — да и тот женился на Ленке.

Сказать по правде, Гуля и сама была бы не прочь выскочить за него замуж, пускай и в восемнадцать, что такого. Да только никогда он на неё не смотрел — видно, гордый больно со своим наполеоновским ростом, почти на голову ниже Гули... Ленка-то тоже не маленькая — но она же худющая!

«Как моя корова», — сказала со злости Гулина тётка Олимпиада, увидев Арёфьеву на улице.

«Хорошо было бы с Мишей, — думала Гуля, — спокойно. Руки золотые, всю мебель в квартире сам выстругал. Я бы тоже ребёночка родила...»

Когда Ленка после родов не смогла подняться, Гуля в первый раз заглянула к ним. И сразу охнула:

— Ну и грязь...

Миша вышел из ванной и уставился в давно не мытый пол:

— Извини... Тебе чего?

— Да я вот... Ленку проведать. По-соседски, — вспомнила Гуля. И добавила:

— А может, вам помочь чем? Полы помыть... или...

— Не надо, — мрачно выговорил Миша. — А Лена спит сейчас. Потом зайди.

Потом она постеснялась, да и своих дел хватало: надо было закрывать компот из черешни, да ещё дядька из деревни приехал, привёз первые травы на засолку.

— У тебя отпуск? Поедем на недельку к нам, — предложил он. — Липа хочет дом покрасить, а я сама знаешь какой маляр.

Гуля поехала. Дядин грузовичок потряхивало на пыльной дороге, белые Гулины коленки прыгали туда и сюда.

— А что это Мишка-то не поздоровался? — неожиданно спросил дядя.

Гуля вытаращила глаза:

— Не зна-аю!... А когда это?

— Да сегодня. Я в подъезд вхожу — и он мне навстречу. Говорю: «Здравствуй, Миша!»

А он косо глянул — и молча пошёл.

— У него жена болеет, — сказала Гуля. — После родов ноги отнялись, представляешь?

— А ребёнок-то живой?

— Живой, что ему сделается... Мальчик, Серёженька. Четвёртый месяц пошел...

— Гляди-ка... Ты бы помогла чем, а?

— Да хотела... Что-то он на меня буркнул тоже — я и ушла. Чужие люди, у них своя семья. Ну что я полезу?

Дядька вздохнул, помолчал. Впереди показалась деревня. Тетя Липа уже кричала что-то им от забора...

А еще через месяц Ленку увезли в Москву — лечиться. Миша отвёз Серёженьку к тёще и стал совсем бирюком. После работы приходил домой и валился спать.

Однажды Гуля столкнулась с ним у подъезда. Миша тащил костыли, какую-то большую коробку, а ещё средним пальцем левой руки удерживал растрёпанную оранжевую сетку, из которой уже грозила вывалиться серая буханка.

— Ой, — сказала Гуля, подхватывая буханку. — Давай помогу.

— Спасибо, — сказал Миша. — Зарплату сегодня дали. Вот купил тут всего...

Они поднялись на свой четвёртый этаж. Миша поставил коробку на пол, прислонил костыли к стене и стал доставать ключи. Гуля молча держала буханку и смотрела на него.

— Спасибо, — повторил он. — Если хочешь... это... зайди?

— Давай, — неуверенно сказала она. — Могу ужин... голодный?

— Д-да, — он слегка улынулся из-под чернящих усов. — А ты?

— Ну... немножко.

И она сходила к себе за мясом и луком, и сварила суп, и нажарила драников, и быстро-быстро нарезала салат.

— Давно так не пахло, — признался Миша. — Хорошо, что ты...

И замолчал. Гуля рассматривала его и почему-то вспоминала, как по вечерам через стенку слышался приглушённый топот босых Ленкиных ног, и горячие вздохи — вперемешку со звоном ложек о тарелки, со вскриками: «Ой, сгорит!...», всё под один и тот же аккомпане-

мент нежногосого певца — Гуле тогда хотелось узнать, как его фамилия. Уж больно хорошо поёт. Дядька потом её просветил...

— Миш, а этого... Глесиса... нельзя завести? — робко спросила она.

Арефьев сначала не понял, что она имеет в виду, подумал, вспомнил. Пробормотав: «А, Иглесиаса...», изменился в лице, уголки губ поползли вниз.

— Нет, — тихо проговорил он. — Это Лены кассета, я ей в Москву отдал.

— Как она, Миш? — участливо, как ей казалось, спросила Гуля.

— Ничего, — он дернул худым плечом, словно отстраняя кого-то, подошедшего сзади.

— Ну... Ты же знаешь, наверное?

— Ничего я не знаю, — удивилась Гуля. — Откуда?

— Я думал, знаешь... Инвалидность ей дали. Вот костыли купил...

— Да, — сказала Гуля задумчиво. — Дела... Вот теперь тебе и с маленьким, и с ней возиться... Тёща, наверное, поможет?

— Чего тёща, мы сами справимся, — сказал Миша. — А что такого?

— Да нет... неудобно просто будет, наверное. Она и раньше-то...

Хвост Гулиной фразы повис в воздухе. Наступила тишина. Миша тяжело оперся на стол, подался вперёд.

— Что... ты... что вы... что — вы — все — знаете — о ней?! — закричал он. — Чего ты лезешь? Суп сварила, пол подмела... Памятник, может, тебе за это поставить? Вечно свой нос суёшь, куда тебя не просят! «Грязно у вас... неудобно у вас...» Тьфу!

Гуля сидела, открыв рот, и ничего не понимала. Что это с ним?

— Мужики мне на заводе тоже: «Другую найдёшь! Здоро-овую... хозя-а-айственную...» Прямо вот весь смысл жизни в этом сраном хозяйстве, в салфеточках с кружавчиками, в банках с огурцами! Да плевать я хотел, пле-вать!

Перевёл дыхание, вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Был я у тебя дома, — сказал он уже тише. — Ну и что? Красная площадь тридцатого апреля, вот что.

— А... почему тридцатого? — прошептала Гуля.

— Перед парадом потому что! Вылизано всё... языком, наверное. Ходить даже стыдно...

— А как же надо тогда, Миш? — она умоляюще посмотрела на него. — Ну ты скажи: как?

— Любил я её, — угрюмо ответил Миша после недолгого молчания. — Любил и буду любить. Инвалидку, неряху, дурочку даже... неважно.

— Почему? — спросила Гуля в пустоту. — Почему — неважно?

Вместо ответа Миша встал и подошел к буфету. За стеклом стояла большая черно-белая фотография Ленки. Глаза, одни глаза. «Права тётя Липа, Ленка очень худая, — подумала Гуля. — И нос слишком большой».

— Ты бы шла домой, — услышала она. — Суп возьми, мне одному не съесть столько.

Дома Гуля разложила на диване вязанье и включила телевизор. Повторяли новогодний «Голубой огонёк» и «Ритмы планеты». Гуля считала петли и поглядывала на бешено крутящихся танцовщиц.

— Продолжает наш концерт испанский певец Хулио Иглесиас, — сообщил диктор.

Гуля отложила вязанье. Красавец в белом костюме шагал по широким ступеням между разноцветными огоньками прямо на неё...

— Байла морена, байла кетура, — бормотала она вслед за ним, кружась по комнате и плача.

Цыся

— Она где-то гадит, — убеждённо заявил дедушка Рома, выпив настой из целебных трав, который бабушка Маша готовила каждое утро, и вытирая чистым носовым платком седые усы.

— Она где-то гадит, говорю я вам, — повторил он негромко, но очень настойчиво, как умеют только старые люди, которые знают, что если их не услышат сейчас, то, возможно, не услышат никогда.

— И она съела мой красный платочек, — поддержала его внучка Леночка, пятилетнее создание с тощей белой косицей и ярко-зелёными глазами, обещавшими их обладательнице блестящее будущее лет через десять.

Бабушка Маша, помешивавшая овсяную кашу в синей кастрюльке, с последней версией была явно не согласна:

— Леночка, этого не может быть, зачем ты выдумываешь? Кошки не едят платочки.

— А я видела, — настаивала Леночка, — и вовсе я не выдумываю.

Затем она надулась и убежала. Бабушка усмехнулась.

— Потеряла на прогулке в саду свой платочек, а на кошку сваливает.

— Да ладно, — вступил в разговор Олег Романович, Леночкин папа, — сейчас не это главное. С кошкой надо что-то делать.

— Правда, завели на свою голову, — поддакнула его жена Люба.

— Ты завела-то, — упрекнул муж.

— Кто же знал, — оправдывалась Люба. — Я думала, она нормальная, а не то, что...

В этот момент в кухню, залитую слепящим летним солнцем, вошла кошка. Несмотря на свои размеры и окрас — она была просто серой кошкой с белыми пятнами на грудке и круглых аккуратных лапах — её появление ощущалось так же незамедлительно, как и любого члена семьи. Какие-то невидимые флюиды, ею испускаемые, заставляли мгновенно оборачиваться и приветствовать, словно она была не кошка, а королева.

Люба, принёсшая четыре месяца назад полузамёрзшего, всем телом вздрагивавшего котёночка, не могла предположить, какой вредный, неблагодарный характер окажется у приёмыша. Цыся — так её назвала Леночка, за что два дня была склоняема за ужином («Неужели хотя бы назвать нельзя было по-человечески?» — «А она не человек, она кисонька!») — так вот, кисонька Цыся сама определяла свой рацион.

Бабушка Маша покупала в «Диете» свежую рыбу и выдавала ее маленькими порциями. Цыся съедала очередную порцию с видом царственной особы, находящейся в длительном изгнании, после чего прыгала на холодильник выслеживать дичь. Дичью было мясо, фарш, сосиски — всё, что бабушка Маша готовила на обед для своей большой дружной семьи. Результаты Цысиной охоты были неизменно удачны для неё и плачевны для остальных. Как-то, поупражнявшись в заглатывании больших кусков недели две, она оставила без ужина всё семейство.

Но самое удивительное состояло даже не в этой потрясающей прожорливости.

Когда голодный и разъяренный Олег Романович ворвался в кабинет, где киска преспокойно заканчивала умыться после столь обильного приема пищи, и не своим голосом вскричал:

— Где это животное?! Я у-удавлю его! — то Цыся даже не шелохнулась. Олег Романович приблизился и попытался схватить её за шиворот, чтобы задать ей хорошую встряску — но рука его была самым банальным кошачьим приёмом отброшена назад, после чего он, естественно, взвыл от боли.

— Ых-х-х! — вскричал глава семейства. — Ах, ты... ах ты... Тварь ненасытная, наглая... шку-у-ура!

И схватив первое, что попало под руку, а именно трость дедушки Ромы, он принялся как попало тыкать ею в сытую Цысю, надеясь таким образом нарушить олимпийское спокойствие. Но просчитался.

Кошка пару раз увернулась от надвигающегося резинового набалдашника, а затем вспрыгнула на письменный стол. Олег Романович похолодел. На столе, готовый к печати, лежал его собственный труд под названием «Ядохимикаты Нечерноземья: опыт применения в прибрежной полосе Мурманской области», а в опасной близости от него стоял стакан с алым клубничным соком.

Клубника поспела два дня тому назад. Довезти ее с дачи без потерь не удалось, и помятые, но замечательно вкусные ягоды бабушка Маша сложила в соковыжималку. Теперь Олег Романович был близок к тому, чтобы лишиться и сока, и первой публикации своей научной работы.

— О-оо... — только и смог сказать он, глядя на томительно медленное движение серебристо-серой Цысиной лапки, явно направленное к стакану. — О-оо... не надо... Цыся, Цыысенька! Дорогая, я умоляю тебя...

Стоны привлекли внимание проходившей мимо Любы, и она заглянула в комнату.

— Что тут... — начала она — и осеклась, в секунду оценив опасность положения.

«Плохо то, — подумала она, — что мы оба от нее слишком далеко. Грохнет она этот стакан на Олежкину статью как пить дать... а это считай развод...»

— Цыс-сенька, — зашептала она, — Цыс-сся, иди ко мне, кисонька, иди сюда, моя золотая...

Но кошка сидела неподвижно, уставив прямо перед собой золотисто-жёлтые глаза с искрящимися переплёсками. Казалось, она без малейшего напряжения держала на весу зане-

сенную над стаканом правую лапу. Не шевельнулись на звук любимого голоса остроугольные уши, не соскользнул с края полированного стола распушившийся хвост. «Ни мне от вас, — словно говорил её взгляд, — ни вам от меня никогда, нигде и ничего не может быть надо. Моё при мне, а ваше при вас, разве что благодаря моей ловкости мне достанется больше, но и тогда — моё останется моим...»

Напряжённая тишина стусилась в комнате, и в ней прошло несколько минут.

— Самое лучшее, — едва слышно прошептала наконец Люба, — это уйти.

Олег Романович уже собрался было ответить, что это его первая статья, и как же он может... Но Цыся неожиданно повернула голову в его сторону, как бы подтверждая Любины слова.

— Э-ээ... — пролепетал он почти так же тихо, — я... э-ээ... да-а... наверно...

И бочком-бочком, держась за стену, увешанную вымпелами и самодельными полочками со спортивными призами, доставшимися ему в студенческие годы, Олег Романович почти выполз из своего собственного кабинета вслед за женой.

Сквозь неплотно притворённую дверь Люба сумела подсмотреть, как Цыся еще примерно минуту просидела в той же позе, готовая дать отпор каждому, кто решится посягнуть на её неприкосновенность; затем медленно, с достоинством вернула лапу на место. Но даже и тогда хозяйка дома побоялась войти и взять бунтарку на руки.

— Дождёмся, пока сама спрыгнет, — шепнула она мужу, который тяжело дышал ей сзади в плечо.

Но Цыся не спешила покидать стол. По-видимому, он казался ей чем-то вроде импровизированного трона посреди поля боя, где она победила с таким изяществом. Она внимательно осмотрела пространство вокруг себя, с интересом отнеслась к разноцветным скрепкам, понюхав их и слегка сдвинув лапой коробочку, где они лежали. Наклонила голову, словно читая титульный лист рукописи — при этом взгляд её стал презрительным. Лишь убедившись, что предметы на столе несъедобны и пахнут невкусно, кошка спрыгнула в кресло Олега Романовича и сразу прикрыла глаза.

— Вот это да... — произнес обалдевший вконец владелец кресла, чувствуя себя окончательно деморализованным. — Слушай, Любаша, а может, она... того... психическая?

— Угу, — скептически отозвалась жена, — психиатрическая. Подожди-ка...

И она сделала то, о чем мечтала последние пятнадцать минут: тихими большими шагами вошла в комнату, быстрым обдуманным движением взяла со стола рукопись, так же быстро взглянула на Цысю, которая настороженно следила за её движениями — и тут же вышла.

Все это случилось ещё две недели назад, а теперь нарушительница спокойствия вошла и уселась посреди кухни, жмурясь от падающей прямо на неё широкой полосы солнечного света.

— Погань какая, — с чувством произнес дедушка Рома, пронзительно взглядывая на остальных.

— Ну... — нерешительно начала Люба, но в этот момент раздался торжествующий крик Леночки:

— Мама, бабушка, идите скорее сюда! Что я нашла, что я нашла!!

Бабушка Маша коротко переглянулась со снохой и ринулась в детскую. Через двенадцать секунд оттуда раздался горестный вопль:

— О-оой! Дура, глина! Что наделала, дрянь бесстыжая!

Еще через шесть секунд в детской была вся семья — исключая разве что Цысю, которая как ни в чём не бывало уплетала остатки обеда Олега Романовича.

Столпившись у Леночкиной кровати, у этого алтаря, на который приносились дары в день рождения, Новый год и 1 июня, а также в дни, когда волхвы получали зарплату, все пятеро с отвращением и ужасом созерцали страшную картину, будучи не в силах что-либо произнести. На белой, чуть голубоватой от синьки Леночкиной простынке, совсем рядом с кружевной

оборочкой откинутого вбок пододеяльника покоилась кучка светло-коричневого, уже слегка смазавшегося кошачьего дерьма.

— Вот, бабушка, — наставительно сказала владелица простынки, — а ты говоришь, она платочков не ест. Да она вон что делает!

С этими словами Леночка гордо удалилась в гостиную, где с необычайным удовольствием позволила себе встать сандаликами на мягкий стул и достать с верхней полки дедушкиного серванта большую шоколадную конфету в блестящей обертке — видимо, в качестве компенсации за моральный ущерб.

Не так повели себя взрослые. Люба деловито собрала бельё с постели и понесла в стирку. А дедушка Рома стал брызгать из пульверизатора розовой водой, не забывая приговаривать всё то же:

— Погань какая... Погань... Чуюло мое сердце, что она где-то гадит...

— Да не сердце, — заметила вернувшаяся из ванной Люба, — а нос.

И принялась протирать ярко-розовый матрасик такого же цвета ваткой, смоченной в марганцовке.

Олег Романович за портьерой, отделявшей спальню Леночки от игрового уголка, тихо совещался с бабушкой Машей.

— Да пойми ты, мам, — доносилось оттуда, — не могу я её на руки взять. Не пойдёт она ко мне!

— Что ж ты предлагаешь, — сердилась бабушка Маша, — мне ловить?

— Ну, почему обязательно тебе... Люба пускай: всё-таки Цыська её любит...

— Жену тебе не жалко, Олежка, — бабушка Маша понизила голос, — такой ты бессердечный у меня вырос!

— Мне ребёнка жалко! — пылко воскликнул Олег Романович. — У меня всего один ребёнок, и я не хочу, чтобы...

Он запнулся, и бабушка Маша не преминула воспользоваться моментом.

— Раз тебе жалко, — сказала она тоном, каким присяжные выносят решение в суде, — иди и освободи своего ребёнка от этого мерзкого животного.

И вышла из-за портьеры. Дедушка Рома, заинтригованный происходящим, ждал, неудобно скорчившись на детском стульчике.

— А потом новый покупать придётся, — укоризненно произнесла бабушка Маша, помогая ему подняться. — Сейчас Олег её поймает — и отнесёт куда-нибудь подальше.

— Как же, поймает, — засомневался дедушка Рома, — он тогда поймал...

Но бабушка Маша ничего на это не ответила, поскольку была уже на кухне, где кипятилось бельё и вкусно, жирно скворчали в сковороде куриные котлеты.

— А где эта... кошка-то? — спросила она Любу, входившую со щипцами для белья в одной руке и жестяным тазиком в другой.

— В гостиной, — равнодушно ответила Люба, — с Леночкой играет.

— А, ну хорошо, — миролюбиво молвила бабушка Маша, наклоняясь над котлетами.

— Осторожно, мама, — предупредила Люба, — вам в глаза брызнуть может.

— Да, — вздохнула та, — ты права...

В это время в гостиной шёл спор.

— Чем же она виновата? — спрашивала Леночка у папы, пытаясь отобрать кошку, которая в свою очередь отчаянно, хотя и молча, вырывалась, царапая при этом всё, что можно. И несмотря на то, что глава семейства предусмотрительно надел садовые рукавицы и хранившуюся долгие годы на антресоли фехтовальную маску, в результате чего стал похожим на пчеловода-любителя, сражающегося с тигром, — так вот, несмотря на все эти тщательно продуманные меры, Олег Романович всё же получил две длинных, сразу заалевших царапины: одну на запястье, другую на шее.

— Чем она виновата, папочка? — прокричала в очередной раз Леночка, дергая Цысю за хвост и надеясь таким образом спасти её участь. — Ну и что же, что она накакала? Я ведь тоже какала в постельку, когда маленькая была, да?

Олег Романович при всем желании не мог ничего ответить, поскольку был занят борьбой за целостность хвоста — и собственного, местами не защищённого тела. Он только пытался и покашливал всякий раз, когда ему удавалось хоть на миг одолеть Цысю и Леночку — а затем вновь возвращался к состязанию.

Дедушка Рома, зайдя в гостиную в поисках своей трубки, был ошеломлён увиденным — и тут же принялся оттащить немедленно заплакавшую Леночку от Олега Романовича, позиции которого, надо сказать, за последние полторы минуты изрядно ослабели.

— Ну, дедушка-а-а-а! — завопила Леночка, въезжая сандаликом в икру, обтянутую синим хлопком выдавших виды тренировочных штанов. — Ну, ты-ы-ы-ы-ы!

И она повалилась на огромный бордовый ковер и замолотила по нему ногами, и громко зарыдала, видя уголком правого глаза, как папа уносит кисоньку Цысеньку, а дедушка спешно закрывает дверь в гостиную, до этого неизменно открытую — чтобы хорошо проветривалось. Вот он закончил поправлять угол ковра, вот наклоняется над Леночкой, пытается погладить по голове.

— Деточка, Леночка, деточка моя, — лепечет он, — что ты... что ты... Я тебе луноход куплю в «Детском мире»... помнишь, ты хотела? Луноход? А, Леночка?

Но она отбрасывает его руку и ревет, ревет:

— Не хочу луноход, не хочу-у-у-у-у! Хочу Цы-ы-ы-ысеньку!

— Деточка моя, — уговаривает дедушка Рома, — киска плохая... киска бяка... на твою постельку нагадила... А мы с тобой в зоопарк ходим...

— Я не хочу в зоопарк! — яростно вопит Леночка. — Я не хочу кисоньку в клетке — я хочу до-о-о-ома! Ты не понимаешь, что ли, дед? До-о-ома, до-ма, до-ма!

И заливается слезами. Входит бабушка Маша. Голова её замотана полотенцем, и выражение больших голубых глаз, словно обметанных по краям сиреневой пылью — усталое, отстранённое, что бывает с ней довольно редко.

— Не реви, Леночка, — спокойно и даже, кажется, равнодушно говорит она.

— Ага, не реви!! — взрывается Леночка. — Конечно, сначала отняли, а теперь — не реви!!! Да я... да ты... — и громко, отчаянно всхлипывает, чем окончательно повергает дедушку Рому в полную растерянность. В голове его теперь носится: как вернуть ушедшего выбрасывать кошку Олега... как найти эту гадкую, подлую Цысю, если он ее уже выбросил... как же, как сделать так, чтобы Леночка перестала плакать?

— Если тебе очень хочется, — всё так же спокойно продолжает между тем бабушка Маша, — я позвоню тёте Зине и спрошу. Ее двоюродная сестра персидских котов разводит. Вот тебе будет забава. Настоящая, породистая. Воспитанная. Они у нее все приученные, на унитаз ходят. Не то, что... эта.

— Да, бабушка! — кричит Леночка. — Я бы тоже Цысеньку научила на унитазик ходи-и-ить! Я бы тоже... А вы вот взяли ее да вы-ы-ы-ыбросили!

Дедушка Рома берёт свою прогулочную трость и незаметно выходит. Бабушка Маша присаживается в кресло и прикрывает глаза.

— Устала, — говорит она тихо. — Не могу больше...

За полчаса до этого на балконе, развешивая очередную порцию белья, она выслушала монолог снохи, с которым в душе была согласна — с первых же слов.

— Вы сейчас кошку выбросите, — не повышая голоса, лениво, словно беседуя о чем-то несущественном, сказала Люба, затягиваясь болгарской сигаретой, — и дадите Еленке понять, что всё, что вас не устраивает, просто-напросто выкидывается. Потом...

Она выпустила дым и подождала. Свекровь внимательно молчала.

— Не исключено, что потом она начнёт строить свои отношения с окружающими по такому же принципу: не нравится — за борт его. Вам не кажется, Марья Кирилловна, что за бортом-то... — она опять сделала паузу и взглянула на собеседницу. Та смотрела на пятиэтажки напротив, утопавшие в нежной ясеновой зелени. Люба снова затянулась.

— За бортом когда-нибудь можем оказаться и мы с вами. Напортим ей что-нибудь... ну, случайно — и долой нас. А?

Марья Кирилловна глубоко вздохнула. Потом посмотрела на Любу и несколько раз мелко кивнула.

— Что сделано — то сделано, — коротко сказала она. Потом кое-как навесила оставшиеся наволочки на белые тугие шнуры, пересекавшие длинный балкон — и вышла.

Теперь ей хотелось подремать. Она давно заметила: во сне, а чаще даже не во сне, а в полудрёме решения трудных проблем складываются легко и просто, словно их придумывает кто-то значительно более умный, чем сама бабушка Маша.

Леночка, наплакавшаяся и оттого уставшая больше, чем после того купания, когда они с бабушкиным крестником Илюшей с полудня и до самого ужина не вылезали из тёплой-пре-тёплой речной воды, побрела в свою комнату. Шла она, чуть качаясь и все ещё вздрагивая от всхлипов, которые морщили ей носик и обе розовые, но теперь побледневшие круглые щечки. Дойдя до кровати, которую мама уже успела накрыть любимым синим покрывалом с серебряными слониками, Леночка уткнулась курносый носиком в жёсткие полосчатые подушки, схватила одного из слоников правой ладонью и, поглаживая его по единственному, изумительно гладкому и блестящему уху, прошептала:

— Цысенька, ки-исонька... Вернись, пожа-а-ах!.. Пожалуйста! Я тебя никому, никому больше не дам — ни папе, ни бабушке... ни папе... ни па...

Так, не отрывая глаз от слоника, она и задремала. В квартире стало почти так же тихо, как ночью. Медленно качался и произносил: «кло... кло...» маятник больших старинных часов в гостиной, иногда слышны были крики из соседних окон: «Ве-ра! Да-мой!» и лай собак внизу во дворе. Люба в кухне перетирала тарелки широким вафельным полотенцем, иногда взглядывая в окно.

Олег Романович вернулся в тот день позже, чем его ожидали, и притом нетрезвый.

— Встретил приятеля, — со смехом объяснил он жене, помогавшей ему снять изрядно запачканную куртку. — Знаешь Павлова? На два курса старше был, рыжий такой... э-ээ... ох, ну и дали ж-же мы с ним сегодня!.. Вот, рыжий... нет, ну, сейчас он, конечно, лысый уже... в-вот... Ты знаешь, он диссертацию защитил!

В голосе Олега Романовича слышалось неподдельное удивление.

— Такой моло... дой! Всего тридцать семь ему — а уже з-защитил... Любаша, я очень пьяный... да? Ты меня прости, Любонька... я так устал, и выпить захотелось... мы дома у него были, честно! Хочешь, телефон дам?

— Не надо, — сказала Люба, стараясь держаться подальше от мужа и пряча нос в собственную, пахнущую детским мылом ладонь. — Олег... где Цыся?

— Чего? — не понял тот.

— Кошка где? — повторила Люба.

— Как... г-где? Отнес я ее... это... и выпустил... Не топить же, ну, ты что, Любаш!

И посмотрел на нее укоризненно, втайне гордясь своим гуманным отношением к животному, причинившему ему столько неприятностей.

— Ну да, — усмехнулась она, — в самом деле... А где ты ее выпустил?

— А я не помню уже, — Олег Романович прошествовал на кухню. — Слушай, а котлеток не осталось?

— Остались, сейчас положу. Картошку будешь?

— Буду... А эту, Цыську-то... ты спрашиваешь, где... Я к фабрике-кухне отнёс. Ты знаешь, Люб, там же все-таки мясо иногда в-выкидывают... потом эти... как их... ну, кости и эти... полуфаб-брикаты... да? Она там не пропадёт... жалко ведь её, знаешь, Люб...

— Знаю, — отозвалась она, ставя перед ним тарелку. — Олежек, ты поешь — да спать ложись. А я сейчас приду.

Дедушка Рома, вернувшийся несколько раньше очень расстроенным, столкнулся с уже одетой Любой в коридоре.

— Любочка, ты куда? — обеспокоенно спросил он. — Что-нибудь случилось?

— Да нет, Роман Евгеньевич, — улыбнулась Люба. — Просто хочу продолжить ваше благородное дело.

— А-а, за этой поганкой? Да нет её нигде, — завздыхал дедушка Рома, — я уж искал, искал... Наверное, в подвал куда забилась — а может, на дереве сидит... как, помнишь, она у нас на холодильнике сидела, мясо у Маши сторожила! — и он засмеялся, чуть покашливая. — Куда ты, на ночь-то глядя? Не ходи, Маша волноваться будет.

— Схожу, — мягко возразила Люба, — хоть воздухом подышу.

Выйдя на улицу, она подняла воротник плаща и подумала: «Лето... А вечером как холодно-то!» Затем направилась в сторону фабрики-кухни. Светло-оранжевое кирпичное здание стояло через две улицы от их шестнадцатиэтажки. От него всегда исходил специфический пряно-мясной аромат, притягивавший собак и мужчин всех возрастов. Он не всегда бывал свежим, но как показывает практика, для многих из притягиваемых это не главное.

Люба шла, выбирая путь через дворы, присматривалась к карнизам первых этажей домов. Нашептывала то и дело: «Цыся... Цыс-ся! Кс-кс-кссс... Цыс-sss, цсссс...»

— Нельзя шуметь? — спросил иронически едва не налетевший на неё прохожий в бежевом костюме.

— Нет... да... — Люба растерялась на секунду, но тут же спросила:

— Простите, вы кошку не видели? Серенькая такая, на грудке белые пятна, и на лапках тоже.

— Нет, — прохожий покачал головой. — Не видал. Простите, что вмешиваюсь... Скажите...

— Да? — переспросила Люба, думая о том, что придётся, наверное, поискать и на другой стороне улицы — на этой она обошла уже все дворы.

— Скажите, — повторил он, — может быть, вы случайно не замужем?

— Случайно... замужем, — автоматически ответила Люба — и направилась дальше.

— Жаль! — громко сказал он вслед — но она не обернулась.

Перейдя на другую сторону улицы, она пошла уже напрямик. Она озябла и устала, и потом, кто знает, этот вот про семейное положение спросил — а следующему что на ум придёт? Неизвестно же. Может, Цыся завтра сама появится?

Но очень хотелось утром сделать приятное Леночке, загладить вину. Всё-таки надо было сразу вмешаться — а она побоялась, не захотела устраивать свару. Теперь вот бродит тут.

До самой фабрики-кухни она никого не увидела. А около чёрной, свежeverкрашенной пожарной лестницы лежала свернувшаяся в серое кольцо... кошка! «Цыся!» Люба рванулась вперёд, как танк — и сразу же поняла, что ошиблась. Киса была местная, откормленная, как хороший поросёнок, и гораздо темнее Цыси.

— Да, — вслух сказала Люба, — а это уже знак.

— Какой знак? — спросили сзади — и она ойкнула.

— Я, видите ли, подумал: а вдруг вам понадобится помощь? — Молодой человек в бежевом костюме улыбался робко и извинительно. — Сейчас поздно... может быть, мне лучше проводить вас до дома?

— Да-а? — недоверчиво переспросила Люба. — Проводить, в самом деле?

Но он был вполне прилично одет, в одной руке держал темно-рыжий портфель, а в другой — хозяйственную сумку, из которой выглядывали недозревшие бананы. Сумка окончательно успокоила Любу. «Руки у него заняты, значит, прежде чем он начнет приставать, ему придётся куда-то пристроить поклажу. Так что, если надо будет сбежать, фора по времени у меня есть». И она позволила ему идти рядом целых десять минут.

— А вы ищете кошку? — спрашивал он. — Хотите банан? Вот... правда, они еще зелёные, но все равно вкусные. Попробуйте! Она сбежала? Вы на первом этаже живёте?

— Почему вы так решили? — удивилась Люба, откусывая жестковатый, сразу вяжущий кусочек. Ох ты, она и не подозревала, как сильно соскучилась по недачным фруктам!

— Обычно кошки теряются, когда живут на первом этаже, — пояснил собеседник. — Как вас зовут? А то неудобно...

— Люба.

— А меня Дима. Знаете, Люба, моя тётя всю жизнь жила на первом этаже. И всю жизнь держала кошек. Они так часто удирали, что она попросила соседа поставить решётки на окна.

— И как, помогло?

— Да нет... Секции решётки были крупные, и очередная кошка всё равно убежала.

— Не нашлась?

— Почему, потом нашлась. Они ведь такие: приключений ищут. Найдут — и возвращаются. Как дети.

Люба улыбнулась. «Неглуп, — подумала она, невольно сравнивая своего провожатого с Олегом, — ему лет двадцать шесть, наверное».

— Знаете, — продолжал он, видимо, угадывая её мысли, — мне уже тридцать один, а детей нет.

— Да? — рассеянно сказала Люба. — Почему?

Он покраснел, и она увидела это, когда они проходили под фонарём. «Господи, что это я такое сказала!» — испугалась она. «Он, наверное, страшно обиделся...»

Но Дима, помолчав, ответил:

— Да вот... не успел. Был женат один год, сначала вроде хотели пожить для себя, а потом разошлись.

— Жалеете? — сочувственно спросила Люба.

— Да... нет... — он запнулся. — А я даже не знаю, жалею ли... Мы совсем не могли понять друг друга. Она перестала со мной считаться после одного случая... Впрочем, это длинная история. Извините, я вас, наверное, утомил?

— Нет, что вы, — ей вдруг стало казаться, что они познакомились по меньшей мере неделю назад. — просто мы уже пришли. Вот мой дом. Дима, я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.